

Культура. - 1995. - 18 февр. - С. 12.

Наша гостиная

Сергей Никитин

МАЛЕНЬКИЙ СЕКРЕТ ДЛЯ БОЛЬШОЙ КОМПАНИИ

Лично я всех деятелей культуры делю на три категории: талантливые, не очень и те, кто стал фактом нашей жизни. Последних для краткости я называю эпохой. И тут возникают сложности. Эпоха — она ведь должна быть борода, солидна и при регалиях. А вот сидит передо мной на стуле Сергей Никитин — тот самый Никитин, с чьими песнями миллионы моих ровесников прожили юность, пели у костра, или на кухнях у свечки.

Никитин дарит мне свою книжку. Называется «Времена не выбирают». Его песни. Я начинаю ее листать и одновременно вопросы задаю, и снова листаю — получается эдакое путешествие по жизни с песнями в руках. По чьей жизни? В общем, конечно, по его, по Сергея Никитина жизни. Но и по нашей тоже чуть-чуть. Ведь он — эпоха, хотя не очень-то на эпоху похож.

— Сергей Яковлевич, я немало интервью с вами читал и по телевизору видел, но что-то не припомню, чтобы вы рассказывали про свое детство, про семью — откуда вы взялись такой!

— Я не москвич, в Москву наша семья приехала в 1931 году, отец был военный, его перевели в столицу, и стали мы тут жить. У меня есть еще две старшие сестры, и пока отец был жив (он умер в 1956 году, когда мне исполнилось двенадцать лет), и средств хватало — сестры обучались на фортепиано. Делали они это очень неохотно, все их мучения были постоянно перед глазами, и у меня совершенно не возникало желания повторять их опыт. Так что музыке я никогда и нигде не учился, а предпочитал время проводить во дворе, там я был командиром. Представьте себе: два дома, один — оштукатуренный, белый дом, второй — красный дом. Я был предводителем белого дома. А еще рядом стояли бараки — дома без удобств, колонки с водой во дворе. И эти барачные ребята нас нередко бивали.

— И прямо с такого двора попали в университет!

— О физфаке МГУ я даже побаивался думать, это была невероятная вершина. Я хотел поступать в авиационный институт, как сестра. Я провожал ее на челину, и на меня это сильно повлияло — играли на гитарах, пели Визбора. Я решил хорошо научиться играть на гитаре и стать студентом МАИ. Из двух желаний одно сбылось, что немало. Осмелился поступать на физфак и почему-то поступил. И сразу оказался в некоем культурном пространстве: на био-

факе уже Сухарев сочинял свои песни, на физфаке — Сергей Крылов и Геннадий Иванов. На первом курсе в составе агитбригады я вышел на сцену МГУ, и меня показали по телевизору в прямом эфире. После этого соседи встречали меня как народного героя: только что по телевизору видели, и вот я по улице иду. Это было потрясающее время хрущевской оттепели. На комсомольской конференции мы пели такую песню:

Декан не доволен
ученья картиной —
Мы на это плюем,
Мы уверены в том,
Что и сам он —
Большая дубина.
Эх, дубинушка, ухнем...

Декан улыбался и делал вид, что все это ему очень нравится. Когда великий Нильс Бор посмотрел наш спектакль «Архимед», он сказал: «Если физики так могут веселиться — я за советскую физику».

— А потом началось совершенно иное время в нашей жизни — то, что мы нынче поименовали «застоем». Скажите, а желания протестовать против застоя у вас не было, не хотели стать диссидентом!

— Наверное, я не созрел до диссидентства. Мы ведь все понимали, анекдоты рассказывали на кухне. Но у интеллигенции даже мысли не возникало что-то менять во всем этом. Те, кто наверху, делали вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем. Но, на самом-то деле вся жизнь происходила вечером на кухне, когда мы пели Окуджаву, Высоцкого, слушали «вражьи голоса». И потом, у меня никогда — ни тогда, ни сейчас — не было тяги к конкретным политическим действиям. Правда,

получалось, что классика, которую я пою, звучит современно... Был случай в те годы: Лена Веселая сделала на радио большую передачу обо мне, и там я спел шестьдесят шестой сонет Шекспира. И потом какие-то «народные мстители» возмущались, что по радио передают Александра Галича. Скандал был. А сонет этот и сейчас очень современно звучит.

Зову я смерть. Мне видеть
невтерпеж
Достоинство, что просит
подавня,
Над простотой глумящуюся
ложь,
Ничтожество в роскошном
одеянье.

Тем не менее я не могу сказать, что это были худшие годы моей жизни, потому что наше окружение, академическая среда как-то умели создавать свой мир и уходить в него. Квинтэссенцией этого ухода были туристические базы Дома ученых. Мы уезжали на реку Гауйю в Латвию или на Черное море — это был главный месяц нашей жизни. Мы создавали эдакий миникоммунизм. Собирались интеллигентные люди — даже повара там были интеллигентные, которым друг от друга не нужно было никакой выгоды, но которые были очень приятны друг другу и создавали некое идеальное, почти утопическое общество. Не случайно много лет вместе с нами отдыхали Гердт, Окуджава, Берковский...

Я этому времени очень благодарен: оно дало ощущение свободы. Поверьте, для меня это не просто слова. Мое советское воспитание очень долго не позволяло мне оставить науку и заниматься только творчеством. Науку любил и люблю, но разрываться не было сил, однако государственная

служба, академия, кандидатское звание — все эти слова-заклинания для меня много значили. Перестройка помогла справиться с этими комплексами.

— Сейчас многие деятели культуры жалуются на отток зрителей, вы его тоже ощущаете!

— В моих взаимоотношениях с аудиторией я больших изменений не вижу. Просто мотивы, по которым зрители ходят на мои концерты, изменились. Если в 70-е годы это был способ отгородиться, создать свой особый мир, спасти душу в обстановке официоза и фальши, то сейчас — другое. В последние два года мы, наконец, оторвались от телевизоров, поняли, что эта бодяга надолго, что только наши дети и внуки будут жить в нормальном, так называемом цивилизованном обществе — и стало ясно, что надо спасать себя, душу свою в обстановке прагматизма, всеобщей коммерции.

— Сергей Яковлевич, я не хочу лезть в вашу личную жизнь, но, согласитесь, рассказывать о жизни Сергея Никитина, не спросив его про Татьяну Никитину, невозможно. Между тем ходят слухи о разрыве вашего союза...

— Сколько же можно опровергать эти слухи!.. Впору повесить табличку: мы не развелись! Конечно, у нас, как и во всякой семье, бывает всякое. Татьяна — человек абсолютно естественный, чрезвычайно органичный. Ее чему-то научить обычным методом — от простого к сложному — совершенно нереально. У нас на репетициях даже конфликты возникают по этому поводу, я пытаюсь что-то объяснить, Таня не соглашается, а потом вдруг у нас все получается идеально. Во время концерта у нас

взаимодействие достигло уже подсознательного уровня: достаточно только подумать, что ты сейчас что-то сделаешь, а партнер уже чувствует. Все-таки двадцать шесть лет вместе.

— Сергей Яковлевич, дорогой, ну дайте же вы совет: как прожить с одним человеком вместе двадцать шесть лет и не расстаться!

— Советы давать не умею и не люблю. Первые двадцать четыре года мы были как бы студентами, вели студенческий образ жизни. Жили вместе с моей мамой (сейчас она переехала к сестре), мама обеспечивала нам тыл, обеспечивала уход за нашим сыном. И потом нас с Таней связывают очень многие ниточки: наука, наши друзья, совместное пение.

— У вас есть глава семьи!

— Да, это Татьяна, конечно. По вопросам жизненно важным: купить — не купить дачу, воспитание сына — Татьяна командир. Я командую только на песенной территории.

— А чем занимается ваш сын!

— Он филолог. Окончил колледж в Америке, его специальность — литературовед. В своей дипломной работе он сравнивал то, как раскрывается тема бесовщины в произведениях Эдгара По, Бодлера и Достоевского. Сейчас работает под эгидой моего же шефа Олега Табакова (я завмуз его театра) в Питсбургском университете. Там организован курс для театральных студентов — Саша на нем лекции читает: «Введение в русскую культуру».

— И в какой стране он предпочитает жить!

— Этот вопрос пока не решен, Саша вообще очень тянется сюда. Но если есть возможность в Америке продол-

жить учебу, получить степень — надо ею воспользоваться.

Мы много раз были за границей, общались с эмигрантами, в том числе и нашими друзьями, примеряли на себя эту ситуацию, но настроения уезжать нет и не было.

Последнее время крепнет ощущение, что некий этап завершен, некий огород вскопан и там уже выросли плоды. Каждый шаг, раздвигающий эти границы дается все с большим трудом. Иногда просто заводишь себе тому, который сочинил «Майдан» или «Бричку».

— Куда будете границы раз-

двигать, в смысле — какие у вас планы!

— Задумал спектакль, уже давно, по стихам Давида Самойлова. Вместе с Дмитрием Сухаревым пишем мюзикл по рассказу Чехова «Скрипка Ротшильда». Только что для режиссера Александра Яцко написал музыку к спектаклю «Генрих IV», теперь — на очереди «Ричард II»...

— Сергей Яковлевич, а вы можете один день прожить без гитары!

— Один день? Конечно, могу, запросто... Вот два дня уже многовато, не получится.

Андрей МАКСИМОВ.